

БЕЛЯЕВ Н. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

БЕЛЯЕВ Николай Николаевич, родился в 1891. Окончил Лазаревский институт, в 1913 — университет, в 1915 — Высший педагогический институт. Проживал в Москве, преподавал в гимназиях, в 1920-х — в разных институтах и школах; научный сотрудник института. 11 сентября 1929 — арестован, приговорен «за недонесении» к 3 годам ссылки и отправлен в село Визингу Усть-Сысольского района (позднее, Сыктывкарского района). 11 сентября 1932 — после окончания срока ссылки освобожден, остался в Сыктывкаре, ждал документов для выезда в Москву. 28 января 1933 — арестован по групповому делу террористической организации и заключен в тюрьму. В сентябре 1933 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<30 сентября 1933>

«30. IX. 33 г<ода>.

г<ород> Сыктывкар.

А<втономная> О<бласть> Коми.

Многоуважаемая Екатерина Павловна.

Ваше имя здесь у всех на устах: многие получали от Вас реальную, видимую помощь, еще больше, вероятно, таких, оказанная Вами помощь которым невидна, неосознаема.

Недавно мне пришлось отсюда отвечать на Ваш запрос, обращенный к неграмотному, 68 летнему старику, Ст<епану> Ив<ановичу> Приезжеву по вопросу получаемых им из Америки чеков и об ускорении следствия, тянувшегося 8-й месяц (он был арестован 5/II – 33 г<ода>) и только на этих днях выпущен из след<ственной> изолятора по телеграмме из Архангельска.

Это Ваше внимание и участие побудило и меня обратиться к Вам, глубокоуважаемая Екатерина Павловна, с просьбой аналогичной — об ускорении следствия по тому же самому делу, ибо я был арестован еще раньше (Приезжева С. М.), а именно 28.I.33 г<ода> и, следовательно, теперь идет уже девятый месяц!

Мне предъявлено страшное обвинение по ст<атье> 58 п<ункты> 10, 11, 12, 2 через 19.

Обвинение строится на основе показаний нескольких лиц (единиц!, между тем как арестовано было по всему Сысольск<ому> району обл<асти> Коми человек 150-200), в том числе все адм<инистративно> высланные, проживавшие в Визинге, "сознавших" в существовании в с<еле> Визинга, отстоящем от ближайшей ст<анции> ж<елезной> д<ороги> на 250 к<ило>м<етров>, организации, поставившей себе целью не менее, как свержение Советской власти, не только в Визинге, Сыктывкаре, Коми области, но и в Архангельске, Москве и во всем СССР и имеющей для сего связь с Парижем (sic!!!) и чуть ли не с самим Керенским!

Нелепость этого обвинения очевидна для всех вообще, а для меня, как окончившего 2 Вуз'а и б<ывшего> преподавателя Московских Вуз'ов, отлично понимающего всю абсурдность такой затеи на 16-м году Революции — в особенности.

Я обращал внимание следователя, что за меня говорит история: никогда еще ни в одной стране ни революционное, ни к<онтр>р<еволюционное> восстание, ставящие такие задачи, как ниспровержение существующего строя, не происходило в такой глуши, в такой дичине (250 к<ило>м<етрах> от станции!). К тому же и время, на к<оторо>е падает, по словам следователя, расцвет "деятельности" организации — сентябрь 32 года — совершенно неподходяще для меня, ибо, окончив 11 сентября свою 3-х летнюю высылку из Москвы (по

ст<атье> 59 п<ункт> 12!) и узнав от уп<олномоченного> ОГПУ, что обо мне дан хороший отзыв, я с нетерпением ждал в это время получения документов, позволяющих мне вернуться в родную Москву к своему любимому делу — преподаванию в высшей и средней школе. Таким образом, погрузиться в дела "организации" накануне страстно ожидаемого отъезда из этой тюрьмы для всякого интеллигента — абсурдно, во-вторых. К этому надо прибавить, в-третьих, и то, что, хотя я и был преподавателем в Мед<ицинском> Раб<очем> фак<ультет>е в с<еле> Визинге, но, как адм<инистративно> выслан-ный, да еще не владеющий коми языком, не мог быть ни в какой мере авторитетом для крестьян.

Между прочим, на очной ставке с д<окто>ром Анохиным, считающимся, к<а>к гласит обвинение, едва ли не главой "организации", им было заявлено открыто, но в протокол не занесено (отчего я и отказался его подписать), что я не имел никаких сношений с крестьянством и общения с многочисленным составом духовенства из адм<инистративно> высланных.

Все эти соображения и некоторые другие были дважды изложены мною письменно в своих показаниях — один раз на 6 стр<аницах>, другой — сокращенно на 2-х, но оба раза были на моих глазах разорваны следователем и выброшены в корзину, как "не имеющие отношения к делу".

Вообще говоря, жили мы все 3 года в Визинге с женой, свободной (не высланной, добровольно бросившей Москву, квартиру, службу, родных и разделившую со мной все тяготы ссылки, а их было немало!), чрезвычайно уединенно и все свободное время от службы бывали вместе вдвоем, избегая не только общения попов, но и вообще всех адм<инистративно> высланных, из к<ото>рых некоторые, узнав, что я был вхож в семьи наиболее ответственных парт<ийных> и сов<етских> работников (Москва, Кремль), в течение 11 лет состоя домашним учителем их, сторонились меня, к<а>к "большевика", с другой стороны, — местная интеллигенция очень не прочь познакомиться со мной, к<а>к с единственным, кроме врача, — человеком с высшим образованием, — побаивалась меня, как адм<инистративно> высланного.

Так и сложилось, что мы с женой довольствовались обществом друг друга, книгой, природой, но все же бывали в гостях у 2-х лиц: одного адм<инистративно> высланного москвича и у местного врача.

У последнего, к<отор>ый жил как раз напротив нас, мы бывали раз-два в месяц, всегда вместе с женой. Бывали мы в этой семье, с к<отор>ой я познакомился, т<ак> к<ак> меня пригласили заниматься по латыни и по-английски с женой врача (уроки потом так и не состоялись) по следующим 2 причинам: 1) приятно было вечером посидеть в чистой и теплой — особенно после нашей — залитой электрич<еским> светом комнате, послушать превосходное радио, а то и выпить чаю настоящего и с сахаром, чего мы подчас были лишены в течение нескольких недель, и 2) потому, что это был единственный врач на район с 40 т<ысячным> населением и 100 верст радиусом, так что, в случае заболевания, что при моем слабом здоровье могло быть очень легко, иметь знакомство личное с врачом было очень ценно.

И, действительно, врач, не бывая у нас в гостях, по просьбе жены 2 раза за все время приходил ко мне во время заболевания.

И вот посещение этой семьи (повторяю — я никогда не бывал там один, без жены) и стало причиной моего несчастья: бесконечного сидения в тюрьме, цинги, сделавшей меня полуинвалидом, продажи всего, что только можно было продать из имущества, голодания здесь в тюрьме моего и там, на воле, жены, ибо ей, как заявил 1 из 6 моих следователей, не дают нигде места именно, как моей жене, — будто было распоряжение

ОГПУ. Насколько это идет в разрез с советским законодательством и политикой в отношении женщин — судите сами. Кстати в Москве в 29 году было как раз наоборот — биржа труда, как только меня выслали, записала ее не в очередь, выдавала ей пособие в течение нескольких месяцев, предоставила место. Между прочим, она член профсоюза кооператива, имеет 13 лет трудового стажа, происходит из простой семьи рабочих, члены которой все коммунисты, но, как моя жена, никуда не была принята и, не желая покинуть меня, променяла Сыктывкар на Москву, где ее ждет хорошо оплачиваемая и более легкая работа и сытое существование в семье брата или сестры, рабочих-ударников, членов ВКП (б), вынуждена была взять чисто физическую работу на строительстве, чтобы прокормить себя и подкормить меня.

Когда следствие просило меня характеризовать врача и его жену, и я характеризовал его, как совершенно аполитичного человека (газет никогда не читал, интересовался лишь службой, охотой, радио и водкой!), то оно считало, что я скрываю и укрываю и прибавило мне обвинение по пункту 12. Это я говорил, как на 1-м допросе в начале февраля, так и на последнем в конце мая, — всем 6 следователям на всех 30 допросах! И это было сочтено за запирательство с моей стороны, ибо оно утверждало, что врач не только не аполитичен, а глава "контрреволюционной организации" и чуть ли не член Центрального Комитета социалистических революционеров!, а его дом — штаб контрреволюционной организации!

Вас, вероятно, удивляет, зачем, мол, я все это пишу так излишне подробно, когда достаточно было бы голого заявления такого-то и в том-то. Но именно этого я и боюсь: мне хотелось бы, что за этим письмом Вы увидели судьбу несчастных живых людей, такого-то и такой-то, а не заявления за № таким-то.

С этой целью я должен прибавить еще хоть вкратце (схематично) сведения о себе.

Я — москвич, мне 42 года, окончил Лазаревский институт, потом в 13 году — Университет, в 15 году — Высший Педагогический Институт (ныне Академия Коммунистического Воспитания имени Крупской), имею 17 лет педагогического стажа, работы в различных учебных заведениях, в том числе: в Свердловском Университете, Рабфаке Покровского, Рабочем Университете имени Рыкова, в Высших Коммунистических Школах Связи, на Военных Технических Курсах, центрпрофсоюзных школах Центрального Комитета Железнодорожников, Ковровского Народно-Университета, в школах при Рабфаке Госзнак и на многих других курсах и учебных заведениях. В 1918 году, когда большинство интеллигенции и, в частности, учительства уклонялось от работы в советских учреждениях, я работал в Наркомате Просвещения РСФСР Отдельной Единой Школы.

Степень моей квалификации и идеологическая выдержанность характеризуется не только перечнем учебных заведений в числе приведенных, но и тем, что мне поручались занятия по подготовке в Вузы и в средние школы с детьми таких лиц, которые могли найти в Москве и пригласить наилучших преподавателей (я занимался с Галей Розмирович, Казиком Уншлихт, Тамарой и Людой Придворовыми, дочерьми Демьян Бедного, Стасиком Ганецким, Яшей Сталиным, Володей и Мишей Енукидзе, детьми Тр. Теймана, племянниками Авеля Сафонова, дочерью Н. Ал. Семашко, Володей Стекловым, в семье Бонч-Бруевича В. Д., В. В. и Л. М. Шмидт, Г. Д. и Е. О. Цюрупы, В. М. Лихачева, в доме А. М. и С. А. Мессинга и некоторых других).

До 11/IX-29, дня моего ареста, я непрерывно работал в школах и,

кроме того, был научн<ым> сотрудн<иком> Инст<итута> Мет. Шк<ольных> Раб<отников> при Нарком<ате> прос<вещени>е.

Высылка моя не находится ни в какой связи ни с моими идеолог<ическими> убеждениями, ни с моей работой в Вузах и в школах, а вызвана случайными родственными отношениями — приездом ко мне и проживанием у меня на квар<тире>, потом арестом и высылкой моего брата в Казахстан по обв<инении> его (а потом и меня) по ст<атье> 59 п<ункт> 12.

Вот коротенько мои биограф<ически>-служебн<ые> данные.

Я не обращался за помощью ни в 29 г<оду>, ни теперь ни к кому из родителей моих учеников, т<ак> к<ак>, во-первых, я знаю, как партийцы — особенно такие высокие, к к<отор>ым я мог обращаться, не любят этого, а, во-вторых, потому, что тогда я хотя и не совершил никакого преступления, но из жалости к моему брату, тогда больному, инвалиду 1 катег<ории>, получавшего персональн<ую> пенсию за свои заслуги в Кр<асной> Ар<мии>, но обрем<енному> семьей и очень нуждающемуся, мог совершить его (не на деле, а на словах и в мыслях я готов был сделать этот неверный шаг). Вот почему я чувствовал за собой вину — хотя бы в мыслях (in mente).

Только по окончании срока ссылки 11/IX-29 г<ода>-11IX-32 г<ода> и прождав тщетно документов 2 м<есяца>, хотя мне обещали их со дня на день, я решил обратиться и написал 7 ноября 32 г<ода> письмо к покойной Над<ежде> Серг<еевне> Аллилуевой, к<отор>ая один раз к<а>ж-то в беседе дала мне такое разрешение — обратиться к ней за помощью в случае крайней нужды. Тогда, потеряв надежду на скорую присылку документов, я решил, что крайний момент налицо, и я написал ей письмо.

8-9/XI радио принесло известие о ее кончине, и письмо так и осталось не отправленным, во время обыска в ночь на 28.I.33 г<ода> среди обширной моей корреспонденции, к<отор>ую я сознательно всю сохраняю, отобрано и это письмо.

Теперь я еще не обращался ни к кому, т<ак> к<ак> все еще не потерял надежды, что будучи совершенно невиновен и не состоя членом никакой организации, мало того — не сочувствуя подобным организациям (если бы даже они где существовали, а <нрзб.> ее и не было безусловно, я буду освобожден, и что Полн<омочное> Пред<ставительство> ОГПУ в Арх<ангельске>, куда дело было отправлено в конце мая, а четверо "главарей" увезено туда еще в мае, разберется в реальной действительности и восстановит меня в моем добром имени.

Но терпение и силы истощаются. Ведь пошел 9-й месяц — 25.I.33 г<ода> арестован, а сегодня 30/IX-33 г<ода>.

Вот почему я обращаюсь с просьбой к Вам.

Горько и обидно сидеть в тюрьме столько времени без всякой вины со своей стороны.

Я еще чувствую в себе силы работать на любимом педагог<ическом> поприще в каком-нибудь Пед<агогическом> Вузе, хотя бы на периферии и, тем способствовать, созданию новых кадров педагогов, в к<оторы>х так остро нуждается сейчас наш Союз.

1) Ежедн<евно> читаешь в газ<етах> Ком<мунистического> Прос<вещения> об огромной нехватке не только квалиф<ицированных>, но даже малоквалиф<ицированных> педагогов.

2) Показаниям моей жены и жены врача следствие не довер<яют>, а, между тем, им обеим лучше, чем кому-либо известно, что никакой к<онтр>р<еволюционной> организации не было. Тоже показала и арест<ованная> нянька, но ее тоже не слушают.

Помогите!

Николай Николаевич Беляев.

P. S. Простите, что вышло так длинно и нескладно, но пишешь в

таких условиях — на тычке и в камере, где много народу и непрерывный шум»¹.

В середине 1930-х — Николай Николаевич Беляев находился в селе Красные Баки Нижегородской области, работал заведующим складом такелажа и кассиром "Лесторгобъединение". 21 октября 1937 — арестован, 2 декабря приговорен к 10 годам ИТЛ и отправлен в Сороклаг (Беломорск, Карелия). 25 сентября 1940 — скончался в лагере².

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 1013. С. 10-12. Автограф.

² Жертвы политического террора в СССР». Компакт-диск. М., «Звенья», изд. 3-е, 2004.